

DOI 10.37523/SUI.2020.37.1.015
УДК 343.261.1:343.81

Тепляшин Павел Владимирович

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии,
Сибирский юридический институт МВД России,
660131, Россия, Красноярск, ул. Рокоссовского, 20,
e-mail: pavlushat@mail.ru

Pavel V. Teplyashin

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law
and Criminology,
Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Rokossovsky str., 20, Krasnoyarsk, Russia, 660131,
e-mail: pavlushat@mail.ru

**ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ ЧИСЛЕННОСТЬ
«ТЮРЕМНОГО НАСЕЛЕНИЯ»: МИРОВОЙ ОПЫТ**

***Аннотация.** В статье продемонстрированы международно-правовые и научно-теоретические аспекты актуализации выявления и изучения совокупности факторов, обуславливающих численность осужденных, находящихся в исправительных учреждениях. Целью исследования данных факторов выступает объяснение «работоспособности» различных теорий уголовного наказания, принятие концептуальных решений по оптимизации уголовно-исполнительной политики, прогнозирование возможных траекторий развития пенитенциарной действительности.*

На основе метода сравнительного правоведения проанализированы четыре основные группы факторов, которые влияют на численность «тюремного населения» в конкретном государстве: 1) экономические (проявляются во взаимосвязи тюремного заключения с экономическими процессами); 2) политические (выражаются в демократических ценностях, присущих пенитенциарной системе, степени их поддержания и качестве управления); 3) правовые (заключаются в отражении особенностей правовой системы государства); 4) исправительные (влияют на уровень постпенитенциарного рецидива и повторного осуждения).

В результате установлено, что одни из самых высоких показателей тюремного заключения наблюдаются в государствах с либеральной рыночной экономикой. Обнаружена роль политических факторов в усилении репрессивных притязаний к лицам, совершившим насильственные и коррупционные преступления, а также наркопреступления и посягательства на общественную безопасность. Выявлена достаточно прочная связь между численностью «тюремного населения» и принадлежностью государства к определенной правовой системе: в государствах общего права уровень тюремного заключения выше, нежели чем в странах романо-германского права. Определено, что отрицательный эффект карцерального обращения с осужденным может быть получен в результате изначально нецелесообразного применения наказания, связанного с изоляцией осужденного от общества.

Анализ рассмотренных факторов позволяет отметить положительные и отрицательные стороны практических проявлений теорий уголовного наказания, в частности, ретрибутивизма и консеквенциализма, а также критически оценить реализуемые и прогнозируемые реформаторские преобразования в сфере исполнения уголовных наказаний.

***Ключевые слова:** выявленные преступления, индекс экономической свободы мира, карательные притязания, лечение заключенных, позитивный опыт, социальный контроль, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, эластичность преступности.*

**FACTORS AFFECTING THE NUMBER
OF THE «PRISON POPULATION»: WORLD EXPERIENCE**

***Summary.** The article demonstrates the international legal and scientific-theoretical aspects of the actualization of the identification and study of the totality of factors causing the number of convicts in prisons. The purpose of the study of these factors is the explanation of the «working capacity» of various theories of criminal punishment, the adoption of conceptual decisions on the optimization of criminal-executive policy, and the prediction of possible trajectories for the development of penitentiary reality.*

Based on the comparative law method, four main groups of factors are analyzed that affect the size of the «prison population» in a particular state: 1) economic (manifested in the relationship of imprisonment with economic processes); 2) political (expressed in democratic values inherent in the penitentiary system, the degree of their maintenance and quality of management); 3) legal (consist in reflecting the peculiarities of the legal system of the state); 4) corrective (affect the level of post-penitential relapse and re-conviction).

As a result, it has been established that some of the highest rates of imprisonment are observed in states with a liberal market economy. The role of political factors in reinforcing repressive claims to perpetrators of vio-

lent and corruption crimes, as well as drug offenses and encroachment on public security was discovered. A sufficiently strong relationship has been revealed between the number of the «prison population» and the state's belonging to a particular legal system: in the Common Law states, its level of imprisonment is higher than in the countries of Roman-German law. It has been determined that the negative effect of carceral treatment of a convicted person may be obtained as a result of the initially inexpedient use of punishment connected with the isolation of the convicted person from the public.

The conclusion is formulated that the discovery of the factors considered highlights the «pros and cons» of practical manifestations of theories of criminal punishment, in particular retributivism and sequentialism, and also makes it possible to critically evaluate the implemented and forecasted reform reforms in the sphere of execution of criminal penalties.

Keywords: *identified crimes, index of economic freedom of the world, punitive claims, treatment of prisoners, positive experience, social control, the Penal Code, the elasticity of crime.*

Правило 89 Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правил Манделы) 2015 года содержит рекомендацию о том, «чтобы число содержащихся в закрытых тюремных учреждениях заключенных было не слишком велико для того, чтобы к ним можно было применять индивидуальный подход». Данная рекомендация свидетельствует о значительной важности изучения проблем наполняемости исправительных учреждений, а также о взаимосвязи коэффициента «тюремного населения» с разнообразными факторами. Исследование факторов, обуславливающих численность осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, дает возможность приблизиться к объяснению «работоспособности» различных теорий уголовного наказания, обеспечивает принятие концептуальных решений по оптимизации уголовно-исполнительной политики, позволяет прогнозировать возможные траектории развития пенитенциарной действительности. Не случайно Р. З. Усеев и С. Е. Илюхин отмечают, что в ближайшее время высока вероятность проведения «ревизии» численности лиц, отбывающих лишение свободы [1, с. 103]. Как представляется, данная «ревизия» должна быть связана с анализом разнообразных факторов, обуславливающих численность осужденных, отбывающих пенальные наказания. Как справедливо указывает В. И. Селиверстов, современная уголовно-исполнительная система России требует продуманной и основанной на обоснованных ресурсных возможностях государства, согласованной с научным сообществом программы ее дальнейшего реформирования [2, с. 237].

Также целесообразно обратить внимание на необходимость анализа мирового опыта, поскольку его понимание позволит избежать определенных ошибок в функционировании и дальнейшем развитии отечественной уголовно-исполнительной системы. Хотя уголовно-исполнительное право и отражает национальные и культурные традиции, но декларируемое стремление России продолжать движение по пути социально-экономических и политических реформ указывает на критическое осмысление чужого позитивного опыта. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации закреплено, что наше государство выступает за укрепление взаимовыгодного сотрудничества и гармонизацию интеграционных процессов с зарубежными государствами, включая Европейский союз. Соответственно, нельзя обходить стороной опыт борьбы с преступностью в зарубежных государствах, закрепление по этой линии взаимовыгодных партнерских отношений. Не случайно среди принципов определения содержания инновационной для отечественной правовой науки Модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации выделяется учет современного и исторического опыта исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в зарубежных странах [3, с. 29–30].

В современной правовой действительности допустимо выделить четыре основные группы факторов, которые влияют на численность «тюремного населения» в конкретном государстве: экономические (проявляются во взаимосвязи тюремного заключения с экономическими процессами), политические (выражаются в демократических ценностях, присущих пенитенциарной системе, степени их поддержания и качестве управления), правовые (заключаются в отражении особенностей правовой системы государства), исправительные (влияют на уровень постпенитенциарного рецидива и повторного осуждения). Однако рассмотрение данных факторов имеет в известной мере условный характер, поскольку их действие может носить разноплановый характер в том или ином государстве в силу укоренившихся культурно-исторических особенностей. Вместе с тем данные особенности отражают типовые характеристики соответствующей модели построения пенитенциарной системы конкретного государства.

Обращение к экономической группе факторов показывает, что именно либерализация рынка способна расширить возможности для трудоустройства населения. Нельзя не отметить результаты исследований, произведенных либертарианским канадским аналитическим центром Fraser Institute и демонстрирующих индекс экономической свободы мира (EFW) [4]. Согласно данным исследованиям допустимо измерить экономическую свободу конкретного государства по шкале от нуля до десяти. Полученный индекс отражает участие правительства в стабилизации цен, безопасность частной собственности, степень свободы торговли с иностранными агентами, а также эффективность регулирования кредитной и трудовой деятельности. Подобные исследования обеспечивают репрезентативность выводов о влиянии экономических факторов на частоту приговоров, связанных с тюремным заключением.

Однако даже некоторое повышение вариативности общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности сдерживается снижением личных стимулов для преступной деятельности за счет выбора правомерного способа получить доход. Вместе с тем полагаем несостоятельным мнение о том, что экономически более свободные (с либеральной экономикой) страны сталкиваются с менее опасными насильственными преступлениями (в силу низкой социальной напряженности), и поэтому тюремному заключению подвергают меньшее количество преступников. Даже в рамках экономических факторов можно найти этому объяснение: в таких государствах существуют достаточные ресурсы (наряду со значительными инвестициями в правоохранительную деятельность) для широкого применения наказания в виде тюремного заключения к лицам, совершившим различные по степени общественно опасности преступления. Тщательное изучение статистических данных, представленных на сайте Международного центра тюремных исследований (International Centre for Prison Studies), показывает, что одни из самых высоких показателей тюремного заключения наблюдаются как раз в государствах с либеральной рыночной экономикой [5]. Не случайно Бернард Харкорт (Bernard Harcourt) аргументированно обосновывает, что широкое использование тюремного заключения способно создавать действенные условия для амортизации экономических потрясений [6, с. 63–77].

В специальных исследованиях уже достаточно давно обоснован тезис о том, что рост уровня трудовой занятости населения значительно сокращает численность заключенных [7, 8]. Однако следует учитывать, что подобная занятость может увеличивать рост государственных притязаний (требований) к социально одобряемому поведению той части населения, которая имеет стабильный заработок и соответственно ужесточать карательные притязания (в частности, за счет увеличения длительности тюремного заключения) к лицам, совершившим преступления как экономической направленности, так и общеуголовного характера. Не случайно Лоик Ваккуант (Loïc Wasquant) аргументировано показал возможность использования тюремного заключения в качестве эффективного средства социального контроля в условиях неравенства в доходах, безработицы и экономической нестабильности [9]. В свою очередь Тапио Лаппи-Сеппала (Tapio Lappi-Seppälä) отмечает, что государства с либеральной экономикой зачастую не придерживаются строгих обязательств в отношении социальных прав и достаточных расходов на социальное обеспечение, что как раз и приводит к возрастанию преступности и, следовательно, к эскалации тюремного заключения [10, с. 344–351].

В рамках экономических факторов нельзя обойти вниманием государственные расходы на содержание правоохранительных органов, в частности полиции. Рост численности, профессионализма и технической оснащенности полиции объективно повышает эффективность профилактического воздействия на преступность. Так, исследователями было установлено, что рост их численности на 10 % снижает число насильственных преступлений от 4 до 10 %, имущественных – от 2 до 5 % [11, 12]. Также установлено, что с позиций эффективности профилактики преступности более целесообразным вариантом расходования бюджетных средств являются инвестиции в правоохранительные органы, нежели в исправительные учреждения [13]. Так, эластичность преступности по отношению к «тюремному населению» обнаруживается в интервале от $-0,1$ до $-0,2$, что значительно меньше эластичности криминала по отношению к полицейской деятельности (около $-0,3$, то есть 10-процентный рост вероятности оказаться в исправительном учреждении снижает уровень преступности на 3 %) [14, с. 3–7, 11–37; 15]. На основе микроэкономического анализа проблемы «двойных дивидендов» – одновременного снижения уровня преступности и «тюремного населения» – американские ученые Джейкоб Каплан и Аарон Чалфин (Jacob Kaplan, Aaron Chalfin) пришли к следующим небезынтересным выводам: 1) прием на полицейскую работу трех новых сотрудников обуславливает пополнение исправительного учреждения дополнительно

только одним заключенным (однако увеличение численности сотрудников полиции на 10 % уже приведет к росту «тюремного населения» на 5,4 %); 2) каждые дополнительно выделяемые на полицейскую деятельность 10 000 долларов приводят к снижению количества «тюремных» приговоров на $-0,01$; 3) увеличение числа выявленных преступлений и задержанных лиц, их совершивших, не приводит к экспоненциальному росту осужденных, направляемых в исправительные учреждения (в среднем коэффициент конверсии составляет 30 % – удельный вес лиц, подвергнутых тюремному заключению, среди всех задержанных по подозрению в совершении преступления) [16, р. 173, 187–188]. Таким образом, исследователями отмечается, что инвестиции в правоохранительные органы не приводят к значительному увеличению числа исправительных учреждений и могут даже привести к сокращению числа заключенных в тюрьмах страны [16, р. 191].

Резюмируя рассмотрение экономических факторов, следует помнить «парадокс Мандевиля» и критически оценивать роль финансирования в существенном снижении осужденных, находящихся в местах изоляции от общества.

Рассмотрение политических факторов демонстрирует, что система демократических сдержек и противовесов способна сократить применение тюремного заключения. Вместе с тем может наблюдаться политизированность карательных притязаний в отношении определенной группы преступлений (в частности, преступлений экстремистской направленности) как ответ на соответствующие общественные притязания.

В определенной степени согласимся с позицией Д. Д'Амико и К. Уильямсон (Daniel J. D'Amico, Claudia R. Williamson), которые наглядно показали, что тюремное заключение, сопровождающееся лишением избирательного права, может использоваться как инструмент в целях достижения избирательного пула и электорального преимущества. Кроме того, исследователями установлено, что электорат склонен требовать более суровых наказаний независимо от реальных тенденций преступности [17, р. 222]. Как отмечают Карлос Бердехо и Ноам Юхтман (Carlos Berdejo, Noam Yuchtman), политический истеблишмент информативно реагирует на общественное мнение и в такой ситуации лоббирует расширение практики тюремного заключения [18]. Представляется, что это может осуществляться и по причине невозможности проверить результативность такого лоббирования, хотя использование политологической базы данных Polity IV (также Polity IV Project) [19] может обеспечить репрезентативность вышеизложенных позиций.

Однако однозначного объяснения взаимосвязи политических факторов и коэффициента тюремного заключения вероятно пока не существует. Допустимо лишь утверждать, что роль данного фактора ощутима в усилении репрессивных притязаний к лицам, совершившим насильственные и коррупционные преступления, а также наркопреступления и посягательства на общественную безопасность.

Можно обратить внимание и на другую сторону политических факторов, а именно на управленческий аспект, то есть волевою координацию экономической, социальной, судебно-правоохранительной и исправительно-коррекционной деятельности. Без должного управления отдельные сферы деятельности будут малоэффективны: высокая раскрываемость и, как результат, неотвратимость наказания не будут иметь долгосрочного успеха при исключительно ретрибутивном воздействии на преступника.

Особый интерес вызывают правовые факторы, которые в основе своей зависят от типа правовой системы, охватывающей соответствующую группу государств. Допустимо предположить, что существует достаточно прочная связь между численностью «тюремного населения» и принадлежностью государства к определенной правовой системе.

Так, Х. Спаманн (Holger Spamann) обнаружил, что в государствах общего права уровень тюремного заключения выше, чем в странах гражданского (романо-германского) права, что обусловлено более доступными средством социального контроля, сравнительно невысокой бюрократизацией системы уголовного правосудия, нежели в странах, опирающихся на разветвленное гражданское законодательство и избегающих широкую практику тюремного заключения [20]. Более качественные правовые системы, по мнению иных исследователей, могут соотноситься с меньшим количеством тюремных заключений, тогда как в государствах общего права и странах с менее качественной судебной системой в большей степени полагаются на тюремное заключение [17, р. 223].

Факторы результативности исправительного воздействия влияют на постпенитенциарную рецидивоопасность, поскольку эффективность их реализации может косвенно снижать или повышать повторный приток ранее освободившихся лиц в исправительные учреждения. Нельзя не отметить и мнение о том, что тюремное заключение не оказывает значительного влияния на рециди-

визм [21]. В этой связи интересна позиция Д. Идса (David Eades), который отмечает, что приобретенные в период тюремного заключения социально полезные связи зачастую имеют большее позитивное значение для успешной реинтеграции освобождаемого из мест лишения свободы лица, нежели те, которые он имел до момента водворения в исправительное учреждение [22]. Поскольку уголовное наказание обладает не только карательным содержанием (целями) [23, с. 25–26; 24, с. 102], объективно причиняя страдания или, как минимум, неудобства осужденному, но и является морально проблематичным, поэтому требует своего оправдания с позиций исправительной целесообразности и профилактического эффекта. В этой связи остаются актуальными слова В. А. Уткина о том, что используемые наряду с наказанием некарательные воспитательные меры образуют существенные элементы того окружения, в котором только и могут в полной мере быть реализованы возможности наказания как средства исправления, и эти меры способствуют индивидуализации наказания и экономии репрессии [25, с. 19].

Современные представления о санкциях в основном сводятся не только на их использовании в качестве инструмента предупреждения совершения новых преступлений, но и на создании необходимых условий для социальной реинтеграции и реабилитации осужденного. Также проблема исправительного воздействия состоит и в том, что отрицательный эффект карцерального обращения с осужденным может быть получен в результате изначально нецелесообразного применения наказания, связанного с изоляцией осужденного от общества, ведь критерии выбора именно пенального наказания как «последнего средства» в настоящее время носят достаточно эфемерный характер.

Ряд португальских исследователей на основании проведенного анкетирования судей пришли к выводу о том, что тюремное заключение как уголовное наказание, во-первых, используется для достижения цели сдерживания преступника от совершения опасных и(или) множественных преступлений путем как изоляции, так и с помощью позитивных средств исправления, во-вторых, судьи преследуют в качестве данного наказания карательную цель, уделяя основное внимание репрессивному воздействию на правонарушителя, а не их реабилитации [26].

В специальных исследованиях можно встретить и другие факторы, обуславливающие численность осужденных, находящихся в исправительных учреждениях. Например, по мнению Дж. Реддона и С. Дюранте (John Reddon, Salvatore Durante), недостаточно качественное лечение осужденных приводит к возрастанию продолжительности тюремного заключения и росту постепенциарного рецидива. Следовательно, концепция «подверженности заключенных воздействию природы» – Prisoner Exposure to Nature (PEN) – может преобразовать тюрьмы в среду, способствующую поддержанию и улучшению физического и психического здоровья осужденных, а прогрессивные подходы к лечению заключенных, при котором они осознанно несли бы ответственность за свое заболевание и принимали активное участие в решении проблем с психическим здоровьем, снижат наполняемость пенитенциарной системы [27, р. 14–17]. Представляется, что подобные факторы могут иметь место в пенитенциарной действительности, но они лишь эвентуально влияют на численность осужденных, находящихся в местах изоляции от общества. Более того, они во многом предопределяются рассмотренными выше четырьмя основными факторами: экономическими (финансирование соответствующих программ обращения с осужденными), политическими (качество управления процессами исполнения наказания), правовыми (юридическая оценка волевых и психических аспектов поведения личности преступника), исправительными (соединение со средствами исправления осужденного).

Рассмотренный опыт показывает, что обнаружение факторов, обуславливающих численность осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, выступает значительной межотраслевой проблемой, их понимание высвечивает «плюсы» и «минусы» практических проявлений и различных модификаций теорий уголовного наказания, в частности, ретрибутивизма и консеквенциализма, позволяет критически оценить реализуемые и прогнозируемые реформаторские преобразования в сфере исполнения уголовных наказаний, установить место и роль уголовно-исполнительной системы в современных социально-экономических и политико-правовых процессах.

Таким образом, факторы, обуславливающие численность «тюремного населения», указывают на необходимость их учета в оптимизации законодательного регулирования уголовно-исполнительных отношений, они должны быть надлежащим образом интерпретированы в процессе подготовки разрабатываемой в настоящее время Концепции модернизации (развития) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (2021–2030 гг.).

Библиографический список

1. Усеев Р. З., Илюхин С. Е. Оптимизация численности осужденных в исправительных учреждениях в системе профилактики правонарушений (профилактическая комбинация): гипотеза вопроса и возможные варианты реализации // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. № 1 (32)/2019. С. 97–104.
2. Селиверстов В. И. Перспективы тюремного содержания осужденных в свете национальных интересов России, зарубежного опыта и международных стандартов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 3 (802). С. 229–238.
3. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2017. 328 с.
4. Fraser Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fraserinstitute.org> (дата обращения: 07.06.2019).
5. International Centre for Prison Studies. World Prison Brief [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prisonstudies.org> (дата обращения: 22.04.2019).
6. Harcourt B. The illusion of free markets: Punishment and the myth of natural order. Cambridge: Harvard University Press, 2011. 328 p.
7. Chiricos T., Delone M. Labor surplus and punishment: a review and assessment of theory and evidence // Social Problems. 1992. I. 39. P. 421–446.
8. Gifford B. Prison crime and the economics of incarceration // Stanford Law Review. 2019. V. 71. I. 1. P. 71–135.
9. Wacquant L. Punishing the poor. The neoliberal government of social insecurity. Durham: Duke University Press, 2009. 384 p.
10. Lappi-Seppälä T. Trust, welfare, and political culture: Explaining differences in national penal policies // Crime and Justice. 2008. V. 37. I. 1. P. 313–387.
11. Corsaro N., Wilson J.M. The effects of police contracting on crime: An examination of Compton, California // Journal of Experimental Criminology. 2018. V. 14. I. 1. P. 59–81.
12. DeAngelo G., Hansen B. Life and death in the fast lane: Police enforcement and traffic fatalities // American Economic Journal: Economic Policy. 2014. V. 6. I. 2. P. 231–257.
13. Chalfin A., McCrary J. Criminal deterrence: A review of the literature // Journal of Economic Literature. 2017. V. 55. I. 1. P. 5–48.
14. Raphael S., Lofstrom M., Martin B. The effects of California's enhanced drug and contraband interdiction program on drug abuse and inmate misconduct in California's prisons. Berkeley: University of California, California Policy Lab, 2017. 74 p.
15. Nagin D.S. Deterrence: A review of the evidence by a criminologist for economists // Annual Review of Economics. 2013. V. 5. I. 1. P. 83–105.
16. Kaplan J., Chalfin A. More cops, fewer prisoners? // Criminology & Public Policy. 2019. V. 18. P. 171–200.
17. D'Amico D.J., Williamson C.R. An empirical examination of institutions and cross-country incarceration rates // Public Choice. 2019. I. 180. P. 217–242.
18. Berdejo C., Yuchtman N. Crime, punishment, and politics: an analysis of political cycles in criminal sentencing // Review of Economics and Statistics. 2013. V. 95. I. 3. P. 741–756.
19. News Directory World News Headlines [Электронный ресурс]. URL: <https://dir.md/wiki/Polity> (дата обращения: 08.06.2019).
20. Spamann H. The US crime puzzle: A comparative perspective on US crime and punishment // American Law and Economics Review. 2015. V. 18. I. 1. P. 33–87.
21. Beijersbergen K. A., Dirkzwager A. J. E., Nieuwbeerta P. Reoffending after release: Does procedural justice during imprisonment matter? // Criminal Justice and Behavior. 2016. V. 43. I. 1. P. 63–82.
22. Eades D. N. Displacement through incarceration: an opportunity for personal re-engagement // Journal of Adult Protection. 2019. V. 21. I. 1. P. 36–45.

23. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963. 186 с.
24. Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986. 120 с.
25. Уткин В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984. 189 с.
26. Rodrigues A. C., Sacau A., Oliveira J. Q., Gonçalves R. A. Prison sentences: last resort or the default sanction? // *Psychology, Crime & Law*. 2019. V. 25. I. 2. P. 171–194.
27. Reddon J. R., Durante S. B. Prisoner exposure to nature: Benefits for wellbeing and citizenship // *Medical Hypotheses*. 2019. V. 123. P. 13–18.

References

1. Useev R. Z., Iljuhin S. E. Optimizacija chislenosti osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdenijah v sisteme profilaktiki pravonarushenij (profilakticheskaja kombinacija): gipoteza voprosa i vozmozhnye varianty realizacii [Prisoners optimization within the penal institutions in the crime prevention system (preventive combination): question hypothesis and possible stages of implementation]. *Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Bulletin of the Samara Law Institute: scientific and practical journal], 2019, no. 1 (32), pp. 97–104 [in Russian].
2. Seliverstov V. I. Perspektivy tjuremnogo sodержanija osuzhdennyh v svete nacional'nyh interesov Rossii, zarubezhnogo opyta i mezhdunarodnyh standartov [Prospects of convicts' imprisonment in relation to Russia's national interests, european experience and international standards]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Studies], 2018, no. 3 (802), pp. 229–238 [in Russian].
3. Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovanija teoreticheskogo modelirovanija [New Criminal Execution Code of the Russian Federation General Part. Theoretical Simulated Results]. In V. I. Seliverstov (ed.). Moscow, 2017, 328 p. [in Russian].
4. Fraser Institute. URL: <https://www.fraserinstitute.org> (Accessed: 07.06.2019) [in English].
5. International Centre for Prison Studies. World Prison Brief. URL: <http://www.prisonstudies.org> (Accessed: 22.04.2019) [in English].
6. Harcourt B. The illusion of free markets: Punishment and the myth of natural order. Cambridge, Harvard University Press, 2011, 328 p. [in English].
7. Chiricos T., Delone M. Labor surplus and punishment: a review and assessment of theory and evidence. *Social Problems*, 1992, i. 39, pp. 421–446 [in English].
8. Gifford B. Prison crime and the economics of incarceration. *Stanford Law Review*, 2019, v. 71, i. 1, pp. 71–135 [in English].
9. Wacquant L. Punishing the poor. The neoliberal government of social insecurity. Durham, Duke University Press, 2009, 384 p. [in English].
10. Lappi-Seppälä T. Trust, welfare, and political culture: Explaining differences in national penal policies. *Crime and Justice*, 2008, v. 37, i. 1, pp. 313–387 [in English].
11. Corsaro N., Wilson J.M. The effects of police contracting on crime: An examination of Compton, California. *Journal of Experimental Criminology*, 2018, v. 14, i. 1, pp. 59–81 [in English].
12. DeAngelo G., Hansen B. Life and death in the fast lane: Police enforcement and traffic fatalities. *American Economic Journal: Economic Policy*, 2014, v. 6, i. 2, pp. 231–257 [in English].
13. Chalfin A., McCrary J. Criminal deterrence: A review of the literature. *Journal of Economic Literature*, 2017, v. 55, i. 1, pp. 5–48 [in English].
14. Raphael S., Lofstrom M., Martin B. The effects of California's enhanced drug and contraband interdiction program on drug abuse and inmate misconduct in California's prisons. Berkeley, University of California, California Policy Lab, 2017, 74 p. [in English].
15. Nagin D.S. Deterrence: A review of the evidence by a criminologist for economists. *Annual Review of Economics*, 2013, v. 5, i. 1, pp. 83–105 [in English].
16. Kaplan J., Chalfin A. More cops, fewer prisoners? *Criminology & Public Policy*, 2019, v. 18, pp. 171–200 [in English].

17. D'Amico D. J., Williamson C. R. An empirical examination of institutions and cross-country incarceration rates. *Public Choice*, 2019, i. 180, pp. 217–242 [in English].
18. Berdejo C., Yuchtman N. Crime, punishment, and politics: an analysis of political cycles in criminal sentencing. *Review of Economics and Statistics*, 2013, v. 95, i. 3, pp. 741–756 [in English].
19. News Directory World News Headlines. URL: <https://dir.md/wiki/Polity> (Accessed: 08.06.2019) [in English].
20. Spamann H. The US crime puzzle: A comparative perspective on US crime and punishment. *American Law and Economics Review*, 2015, v. 18, i. 1, pp. 33–87 [in English].
21. Beijersbergen K. A., Dirkzwager A. J. E., Nieuwbeerta P. Reoffending after release: Does procedural justice during imprisonment matter? *Criminal Justice and Behavior*, 2016, v. 43, i. 1, pp. 63–82 [in English].
22. Eades D. N. Displacement through incarceration: an opportunity for personal re-engagement. *Journal of Adult Protection*, 2019, v. 21, i. 1, pp. 36–45 [in English].
23. Beljaev N. A. Celi nakazaniya i sredstva ih dostizheniya v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdeniyah [Punishments and means of their achievement in corrective labor institutions]. Leningrad, 1963, 186 p. [in Russian].
24. Tarbagaev A. N. Ponjatie i celi ugolovnoj otvetstvennosti [The concept and purpose of criminal liability]. Krasnoyarsk, 1986, 120 p. [in Russian].
25. Utkin V. A. Nakazanie i ispravitel'no-trudovoe vozdejstvie [Punishment and corrective labor]. Tomsk, 1984, 189 p. [in Russian].
26. Rodrigues A. C., Sacau A., Oliveira J. Q., Gonçalves R. A. Prison sentences: last resort or the default sanction? *Psychology, Crime & Law*, 2019, v. 25, i. 2, pp. 171–194 [in English].
27. Reddon J. R., Durante S. B. Prisoner exposure to nature: Benefits for wellbeing and citizenship. *Medical Hypotheses*, 2019, v. 123. pp. 13–18 [in English].